

Седельников Валерий Георгиевич, Седельников Михаил Валерьевич

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (III-IX ВВ.)

Взаимопереплетение фискально-денежно-товарных отношений в процессе начального государствообразования у восточных славян - предмет исследования настоящей работы. Показано, что профессиональные "охотники за товарами" - варяги-русичи - явились фактором консолидации восточнославянских племен, параллельно принося навыки морских походов, торговли, денежно-монетного обращения, что стало основной предпосылкой формирования денежной системы Русского государства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 167-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hists@gramota.net

RESEARCH ON CREATIVE HERITAGE OF SHAYKHZADA BABICH IN 1919-1929

Salikhov Akhat Gubaevich, Ph. D. in History

*Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
ahatsalikhov@mail.ru*

The article is devoted to the analysis of the activity of the outstanding Bashkir poet Shaykhzada Babich in 1917-1919 and to the research of his creative work in the first decade after the tragic death. During the XX century many scientists and writers referred to the study of the biography and spiritual heritage of the poet. In this publication the author following new published and unpublished historical documents attempts to analyze the researches and measures for perpetuating Shaykhzada Babich's name, which were carried out in the 20-s of the XX century.

Key words and phrases: Shaykhzada Babich; the Bashkir literature; national movement; history of literature; the Civil War; the soviet power; literary heritage; repressions.

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

Взаимопереплетение фискально-денежно-товарных отношений в процессе начального государствообразования у восточных славян – предмет исследования настоящей работы. Показано, что профессиональные «охотники за товарами» – варяги-русичи – явились фактором консолидации восточнославянских племен, параллельно привнося навыки морских походов, торговли, денежно-монетного обращения, что стало основной предпосылкой формирования денежной системы Русского государства.

Ключевые слова и фразы: система денежного обращения; восточные славяне; варяги; готы; Русский каганат; государственность; куна; бела.

Седельников Валерий Георгиевич, к.и.н., доцент**Седельников Михаил Валерьевич**, к. филос. н.*Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Красноярске
sedel-valery@yandex.ru; mike.sedelnikov@yandex.ru***ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (III-IX ВВ.)[©]**

Проблема, сформулированная в названии статьи, отсылает нас к тем временам, когда для возникновения российской денежной системы складывались лишь предпосылки, а наши предки – восточнославянские племена, – обитавшие на территории между Черным и Балтийским морями, делали первые шаги по пути становления государственности. Достижение значимых результатов в этом направлении (как и у многих других народов) оказалось в значительной мере связанным с внешнеполитическим фактором. Одним из его проявлений явился Русский каганат – государство, созданное в VIII в. н.э. на территории нижнего течения р. Дон роксаланами (ираноязычные племена сарматского происхождения, предки современных осетин) [2, с. 190, 229-233]. Столицей его являлся г. Куйяба (сегодня это Верхнесалтовское городище на р. Северский Донец), куда стекались потоки дани, которой каганат обкладывал своих более слабых соседей.

Роксаланское государство активно расширяло границы, включая в свой состав все новые племена и народы: скифов, славян, хазар, дакийцев, балтов, готов. Последние заслуживают того, чтобы о них сказать отдельно. Эти германские племена, выходцы из Южной Швеции, пришли в Северное Причерноморье во II в. н.э.; на рубеже III-IV в. н.э. они создали здесь могущественное раннефеодальное государство, покорившее многие окрестные племена. Уже в этот период готы исповедовали христианство, обладали письменностью, навыками судоходства и морской торговли. «Готская держава» имела достаточно совершенную военную организацию, базирующуюся, в отличие от своих соседей, на использовании пехоты, речных и морских судов. Все это, однако, не долго позволило ей «держать удар» в жестких военных столкновениях – в 375 г. н.э. готы были разгромлены гуннами, а в 488 г. н.э. большая часть их ушла в Италию [9, т. 4, столб. 667-668, т. 10, столб. 652-654]. Оставшаяся часть готов постепенно смешивалась с местным скифо-сарматским и славяно-балтским населением, перенимая их язык, обычаи – параллельно передавая навыки в области государственного управления и военного дела, элементы религии, культуры, языка, письменности. Во многом благодаря этому, Русский каганат смог создать достаточно совершенную военно-административную организацию, позволившую ему возвыситься над своими соседями [2, с. 325].

В 839 году Роксаланское государство, усилиями своего соперника – Хазарского каганата и подстрекаемых им мадьяр-кочевников, пало. Остатки разгромленной державы отступили на запад в Среднее Поднепровье,

где слились с «родственным» государственным объединением Артания (Арта, Арса), которое в «наследство» от Русского каганата получило элементы военно-административной организации, в том числе титул верховного правителя – «каган», название столицы – г. Куйяба (современный г. Киев) и второе наименование – Русь [4, с. 483; 9, т. 1, столб. 795]. Артания-Русь являлась, прежде всего, военно-государственным объединением, которое, используя сильную военную составляющую, основной доход получало за счет сбора дани с окрестных племен и продажи ее на «заморских» рынках. Этнический состав Артании-Руси представлен был, в основном, теми же вышеупомянутыми восточноевропейскими племенами, среди которых (за счет численного преобладания) языком «межнационального» общения постепенно становился славянский [4, с. 483, 509]. Благодаря опосредованному наследству Готской державы, Русского каганата русы Артании смогли развить и усовершенствовать свое военно-административное устройство, которое сделало возможным их активное вмешательство в жизнь соседних, прежде всего, восточнославянских племен.

Сначала это были нападения с целью грабежа, которые постепенно сменялись «экспедициями» по сбору дани, что было более выгодно обеим сторонам, так как славянское население взамен поборов получало защиту и покровительство со стороны своих воинственных соседей. Если дань рассматривать как форму налога (хотя и весьма примитивного), то можно предположить, что в отношениях между Артанией-Русью и восточнославянскими племенами просматривалась тенденция к оформлению государственности.

Вооруженных людей, приходящих собирать дань, местное население называло словом «варяги». Термин этот восходит ко временам Готской державы и переводится с немецкого, как «охотники за товарами» (*war* – товар и *jagd* – охота). Такое наименование достаточно точно выражало характер деятельности дружинников Артании-Руси, которые приходили на славянские земли собирать дань с тем, чтобы поставлять ее на заморские рынки, прежде всего, византийские [Там же, с. 509-510]. При этом варяги не ограничивались простым сбором дани. Они имели возможность покупать у местного населения желанные товары (например, меха белки, куницы или соболя; продукты земледелия, скотоводства, металлургии), обменивая их на привезенные из-за моря предметы, вполне оправдывая свое наименование «охотников за товарами». Не всегда такие фискально-торговые «экспедиции» заканчивались одинаково – так, согласно «Повести временных лет» в 859 г. варяги вполне успешно собрали дань с новгородских *словен* и примыкающих к ним племен; однако, в 862 г. те же новгородцы решив, очевидно, избавиться от чрезмерной опеки – «изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами собою володети» [6, столб. 19]. «Морем» летописец, очевидно, называл очень сократившееся к нашему времени оз. Ильмень, переправившись через которое варяги вернулись к себе в Поднепровье «не солоно нахлебавши». Однако это поражение неожиданно обернулось для них обратной стороной – погрязшие в усобицах «победители» летом того же года сами обратились к варягам-русичам с просьбой прийти «княжить и володети нами» [Там же, столб. 20], решив добровольно и окончательно признать Артанию-Русь в качестве своего «сюзерена».

Можно констатировать, что, процесс становления восточнославянской государственности в 862 г. «прошел точку невозврата», а итогом последующей интеграции Артании-Руси с населением своих данников стало оформление в начале 880-х гг. крупного раннефеодального государственного объединения Киевская Русь. Таким образом, Древнерусское государство стало наследником и преемником таких серьезных административно-государственных объединений, как Готская держава, Русский каганат, Артания-Русь. Складывающееся Киевское государство стало «плавающим котлом», в котором постепенно сливались воедино языки, традиции, навыки, уклады таких восточноевропейских народов как славяне, балты, финно-угры, готы, сарматы, дакийцы, тюрки.

Переходя непосредственно к характеристике денежного обращения в Поднепровье в рассматриваемый период, отметим следующее. Еще до массового расселения славян на этой территории здешнее население в III-V вв. н.э. активно использовало в товарообменных операциях денежно-монетные средства, преимущественно римского, а затем византийского происхождения. Об этом свидетельствует огромное количество кладов таких монет на территории, которая археологически выделяется, как Черняховская культура (ее ареал распространяется на земли от правобережья Днестра до нижнего Дуная) [1, с. 281; 10, с. 38-39]. К этому времени здесь относятся более 200 кладов римских монет [7, с. 185]. Большую часть их представляют относительно небольшие клады – по 100-200 монет, но встречаются и с количеством более 2000 монет [11, с. 44]. Кроме того, на территории будущего Русского государства археологами найдено 329 кладов арабских (преимущественно куфических) монет VII-XI вв. Среди них есть огромные, такие, как Муромский клад, найденный в 1868 г.: 11077 целых монет и более 5,5 кг обрезков [Там же, с. 105].

Такая ситуация вызывает у специалистов недоумение: каким образом могли освоить использование монет в таких масштабах племена, живущие, фактически в условиях первобытного общества? Так, известный историк-нумизмат И. Г. Спасский отмечает, что нет ясности «в какой мере римские монеты вообще могли служить платежным средством и средством внутреннего обращения для древнего населения Восточной Европы» [10, с. 38]. Разрешить это противоречие можно, если вспомнить, что именно здесь в III-IV вв. н.э. располагалась «Готская держава». Основным способом получения дохода правящей элитой этого раннефеодального государства являлся сбор дани с покоренного населения с последующей продажей ее на средиземноморских рынках во владениях Римской империи. Используя свои навыки в области морского судоходства, готы-варяги наладили серьезный канал, по которому римская монета устремилась на земли Юго-Восточной Европы.

Как отмечал крупный советский историк и археолог А. П. Смирнов, «существование союза племен (во главе с готами – прим. авторов – В. С., М. С.), ведущего завоевательные походы, в условиях «варварского» общества является показателем высокого уровня развития производительных сил» [3, с. 310]. Не предпринимая

попыток создать собственную денежную систему, готы довольствовались достаточно совершенными «импортными» римскими монетами. Пополняя свой «монетный запас», они не всегда ограничивались товарообменными операциями. Далекие предки скандинавских викингов уже в то время умели не только строить и водить морские суда, но и совершать на них дерзкие набеги на прибрежные города, славящиеся своим богатством. Так, в 269 г. н.э. готская «армада» направилась в сторону Греции – жертвами морского грабежа стали острова Кипр и Крит, и даже материковые греческие города: Коринф, Спарта, Афины [11, с. 46].

После падения Готской державы ее административно-военный и торгово-фискальный опыт был успешно использован такими наследниками готов, как Русский каганат и Артания-Русь. Приведенные факты, на наш взгляд, разрешают противоречие между уровнем развития племен Черняховской культуры и функционировавшей здесь достаточно развитой системой денежного обращения. С середины VII в. свою лепту в денежное обращение на землях Поднепровья вносит Арабский халифат. Значительные богатства, сосредоточенные в руках правителей этого огромного государства посредством завоеваний, а также разработки богатых месторождений серебра позволили им весьма активно развивать торговлю и денежное обращение.

Таким образом, ко времени массового расселения славянских племен на землях Среднего Поднепровья существовала уже достаточно развитая денежная система, построенная на использовании римско-византийских, а затем арабских монет, которую наши предки могли использовать практически в готовом виде.

Археологические и нумизматические данные, свидетельствующие о характере товарно-денежных и административно-фискальных отношений на землях Поднепровья и Северного Причерноморья в VIII-X вв. подтверждаются письменными источниками, преимущественно арабского и византийского происхождения. Так у арабского географа середины IX в. Ибн Хаукаля мы находим сведения о том, что русы из Арсы (*Артании – прим. авторов – В. С., М. С.*) «приезжают торговать в Хазар и Рум (*Хазарский каганат и Византию – прим. авторов – В. С., М. С.*), <...> вывозят из Арсы черных соболей, черных лисиц, олово и некоторое число рабов» [12, с. 12]. Более подробно о торговле русов и их взаимоотношениях со славянами пишет современник вышеприведенного автора – Ибн Руста: «Они (*русы – прим. авторов – В. С., М. С.*) нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар (*Хазарию и Волжскую Булгарию – прим. авторов – В. С., М. С.*) и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. ...единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса» [Там же, с. 10-11].

В дополнение к вышесказанному можно привести записи еще одного арабского географа середины IX в. Ибн Хордадбега: «Что же касается до русских купцов – а они вид славян, – то они вывозят бобровый мех, мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны славян к Румскому (*Средиземному – прим. авторов – В. С., М. С.*) морю <...> и если они хотят, то отправляются по Тис, реке славян (*р. Дон – прим. авторов – В. С., М. С.*), и проезжают проливом столицы хазар Хамлых... к Джурджанскому (*Каспийскому – прим. авторов – В. С., М. С.*) морю и высаживаются на любом его берегу... иногда они привозят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад, где переводчиками для них служат славянские рабы. Выдают они себя за христиан и платят джизию» [Там же, с. 8-9].

Из вышеприведенных источников можно сделать вывод о том, что в середине IX в. русы-варяги Артании продолжали практику торгово-фискальных отношений, заложенную еще Готской державой. К этому времени они уже достаточно ослабились, приняли христианство; при этом земледелием или скотоводством не занимались, а жили, в основном, торговлей и военной добычей, получаемой с соседних племен, прежде всего славянских. Продавали русы-варяги по большей части меха – белки, соболя, бобра, чернобурой лисицы; среди товаров были так же олово, мечи, рабы. Их торговые пути включали Черное, Каспийское, Средиземное моря простирались от Греции до Месопотамии. В торговле русичи-варяги использовали все необходимые средства: от кораблей до верблюжьих караванов. В ходе товарообмена, наряду с бартером, использовались монеты, которые хранились в специальных поясах.

В своей «охоте за товарами» русичи-варяги не ограничивались куплей-продажей и отнюдь не чурались речных и морских грабежей. Используя тактику своих далеких предков – готов, а так же современников, живущих на другой стороне Европы – викингов, они заплывали на кораблях в земли соседних племен, прежде всего славянских, грабили их, брали в плен людей для продажи в качестве рабов.

К началу X в., согласно свидетельствам византийского императора Константина Багрянородного (911-959 гг.), русы уже не напрямую грабили славян, а собирали с них дань, которую, опять-таки, везли на продажу в заморские страны: «Когда наступает ноябрь месяц, князья их (*русов – прим. авторов – В. С., М. С.*) тотчас выходят со всеми русами из Киева и отправляются в полудне, т.е. круговой объезд, и именно в славянские земли... когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев... снаряжаются и отправляются в Романию (*Византию – прим. авторов – В. С., М. С.*)» [13, с. 127]. Весьма ценны свидетельства арабского писателя и дипломата того же периода Ибн Фадлана, который сообщает сведения, непосредственно касающиеся денежной системы русов: «Дирхемы русов – серая белка без шерсти, без хвоста, передних и задних лап и головы, (а также) соболя... Ими они совершают меновые сделки, и оттуда их нельзя вывезти, так что их отдают за товар. Весов там не имеют, а только стандартные бруски металла» [Там же, с. 131]. Самых русов автор описывает как людей с выдающимися внешними данными и «до зубов» вооруженными: «при каждом из них имеется топор, меч и нож; со всем этим он не расстается». Торгуют они разными товарами, в их числе: рабы, скот, меха, шкуры животных, мясо, молочные продукты, овощи, хмельные напитки.

С целью удачной торговли, рус молится, обращаясь к богу с просьбами пожаловать, например, ему «купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы» [Там же].

Приведенные материалы подтверждают выводы о завершении процессов государствообразования на восточнославянских землях во второй половине IX – начале X в.: русы, практически, интегрировались в славянское общество; собирали с подвластных им земель налоги в виде дани (полюдье), которой торговали как с византийцами, так и с арабами. При этом, несмотря на богобоязненность, внешне русы-варяги по-прежнему были больше похожи на воинов, чем на мирных торговцев. В системе денежного обращения они использовали стандартные бруски металла (гривны), хорошо понимали значение металлической монеты (динар, дирхем), которую стремились получить в ходе товарообменных операций.

Некоторую настороженность у специалистов вызывает информация об использовании русами в качестве денег безворсовых шкурок пушных животных. Например, И. Г. Спасский считает это доводом в пользу «представлений о примитивной, нищей экономике Древней Руси» [10, с. 33] и, чтобы его опровергнуть, он готов подвергнуть сомнению сведения древних авторов, даже если те «сами побывали на рубежах загадочной северной страны или в ней и встречались с теми, о ком писали» [Там же, с. 35]. И. Г. Спасского настаивает не сам факт использования нашими предками товаро-денег, в числе которых могли быть скот, меха, шкуры животных и многое другое, а то, что в обращении ходили не «роскошные» меха, а «жалкие», безворсовые, вытертые шкурки, что, якобы, может свидетельствовать о бедности и неразвитости экономики.

Подобные рассуждения можно считать наивными, так как отсутствие потребительских свойств (потребительной стоимости) для товаро-денег является не недостатком, а преимуществом [8, с. 204-206]. Несложно представить, как «роскошные» меха будут выполнять роль средства обращения, постоянно переходящего из рук в руки. Конечно, безворсовые шкурки могли использоваться преимущественно во внутреннем обороте, для внешнеторговых операций более подходили звонкая монета или слитки-гривны. Тем не менее, такая «двухконтурная» система денежного обращения свидетельствует о необходимой гибкости экономической системы складывающегося Русского государства, вполне адекватной его раннефеодальной стадии.

Перечень товаров, вывозимых русскими купцами-варягами из славянских земель, явствующий из приведенных источников, говорит о том, что наши предки в IX-X вв. успешно занимались земледелием и скотоводством, умели добывать большое количество разнообразных мехов, развивали металлургию и оружейное производство. Осуществление торговых связей восточнославянских земель с центрами цивилизации (Византия, Иран, Арабский халифат) способствовало их экономическому развитию, приобщению к системе товарно-денежных отношений. В то же время нет оснований преувеличивать успехи в этом направлении: в IX-X вв. на землях наших предков господствовало натуральное хозяйство, функционировала весьма примитивная финансовая система, построенная на выплате дани, преимущественно, в натуральном выражении, в виде товаро-денег, или иностранной серебряной монеты.

Так, «Повесть временных лет» свидетельствует, что в 859 г. восточнославянские племена заплатили дань хазарам «по беле веверице от дыма» [6, столб. 19], в 882 г. варяжский князь Олег (впоследствии получивший прозвание «Вещий»), являясь уже законным правителем на восточнославянских землях, установил размер дани для «Новагорода гривен 300 на лето» [Там же, столб. 24]. В 883 г. тот же князь возложил на племя древлян «дань по черне куне» [Там же].

Из приведенных разновидностей денег важным является свидетельство о «черне куне», то есть «высоко-сортной» куннице, мех которой обладал высокой потребительной стоимостью, ликвидностью. Вследствие этого «куной» стал называться арабский дирхем – серебряная монета, примерно равная по стоимости меху этого пушного зверька. Дирхемы-куны стали основной денежно-монетной единицей в молодом Киевском государстве, а само понятие «деньги» обозначалось термином «куны».

Разъяснения требует «тавтологическое» словосочетание «бела веверица». Веверица – это и есть белка, мех которой в рассматриваемые времена приравнивался к самой мелкой серебряной монете (примерно 0,4 г). Известный филолог П. Я. Черных предположил, что «бела веверица» это просто «белая белка». Ученого, однако, смутил вопрос: «почему белка была названа б е л о й веверицей, когда обычная окраска ее шерсти красновато-рыжая». Для объяснения «противоречия» П. Я. Черных предложил достаточно экстравагантную версию, согласно которой в Древней Руси могла существовать такая отдельная порода белок [14, с. 83]. На наш взгляд, все проще: обычная белка меняет свою окраску в зависимости от сезона – летом она красновато-рыжая, а зимой – бело-голубоватая. Отсюда «бела веверица» – это зимняя белка, эквивалент мелкой серебряной монеты.

В целом, денежная система на восточно-славянских землях в IX-X вв. может быть представлена достаточно разнообразными средствами: из вышеупомянутых, это золотые и серебряные монеты – динар, куна (дирхем), бела веверица; металлические бруски (гривны); безворсовые шкурки.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Процессы становления государственности и формирования системы денежного обращения на Руси, существуя параллельно, неизбежно переплетались, оказывая взаимное влияние друг на друга. Ко времени закрепления наших предков в Поднепровье, здесь уже находилось значительное количество денежных знаков, и не было необходимости изобретать их заново. Товарно-денежно-фискальные процессы, протекавшие в Поднепровье во второй половине I тысячелетия, взаимодействие восточных славян с «охотниками за товарами» – варягами, наиболее «продвинутыми» специалистами того времени в области денежного обращения, являлись основными предпосылками создания первоначальной денежной системы нашей страны на фоне сложного и противоречивого явления – становления русской государственности.

Список литературы

1. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
2. Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 432 с.
3. История СССР с древнейших времен до наших дней в двух сериях: в 12-ти т. М.: Наука, 1966-1982. Серия первая. Т. 1. 719 с.
4. Кутузов Е. Н. Индоевропейцы. Славяне. Русские. Казань: Фрактал, 2009. 600 с.
5. Максимов М. М. Очерк о серебре. М.: Недра, 1974. 152 с.
6. Полное собрание русских летописей. Изд-е 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. 579 стлб.
7. Потин В. М. Монеты. Клады. Коллекции: очерки нумизматики. СПб.: Искусство, 1992. 303 с.
8. Седельников В. Г. «Загадка» и историческая роль золота // Проблемы современной экономики. 2004. № 3. С. 204-206.
9. Советская историческая энциклопедия: в 16-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1961-1976.
10. Спасский И. Г. Русская монетная система. Л.: Аврора, 1970. 256 с.
11. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты – свидетели прошлого. Популярная нумизматика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 176 с.
12. Хрестоматия по истории России: учеб. пособие / авт.-сост. А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева. М.: Проспект, 2010. 592 с.
13. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века / под ред. академика М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во соц.-эконом. литературы, 1960. 735 с.
14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13560 слов: в 2-х т. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1. 623 с.

PRECONDITIONS OF MONETARY SYSTEM ORIGIN OF THE RUSSIAN STATE (THE III-IX CENTURIES)

Sedel'nikov Valerii Georgievich, Ph. D. in History, Associate Professor
Sedel'nikov Mikhail Valer'evich, Ph. D. in Philosophy
Russian State Social University (Branch) in Krasnoyarsk
sedel-valery@yandex.ru; mike.sedelnikov@yandex.ru

The intertwining of fiscal, monetary and trade relations in the process of the initial state formation of the Eastern Slavs is the subject of the research in this work. It is shown that professional "hunters for goods" – the Varyags-Ruthenians – were a factor of the consolidation of the Eastern Slavic tribes bringing in parallel the skills of sea voyages, trade, currency and monetary circulation, which was the main precondition for the formation of monetary system in the Russian state.

Key words and phrases: system of monetary circulation; the Eastern Slavs; the Varyags; the Goths; the Russian Khanate; statehood; kuna; bela.

УДК 322.22

Политология

В статье рассматривается проблема функционирования института РПЦ в контексте современного российского политического пространства. Предпринят анализ актуальных государственно-церковных отношений через призму теории Public Relations, что обусловлено спецификой сверхкоммуникативного общества и характером действующего в стране политического режима. Автор не только констатирует необходимость комплексного видения роли РПЦ в контексте государственного PR, но и отмечает глубинное стратегическое значение усиления Церкви в обществе для сохранения существующей парадигмы властеотношений в России.

Ключевые слова и фразы: государство; Церковь; public relations; имиджмейкинг; электоральный PR; антикризисный менеджмент; менеджмент новостей.

Сергеев Александр Николаевич

Казанский государственный энергетический университет
merchant08@inbox.ru

**ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПОЛИТИЧЕСКИХ PUBLIC RELATIONS (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ)®**

Начиная с первых лет прошлого десятилетия, взаимодействие между РПЦ и государством стало принимать современный облик. Это было обусловлено не только всем предшествующим ходом событий и новым политическим курсом, форсировавшим процесс централизации политической власти, но также и характером политического процесса в постиндустриальную эпоху, характеризующуюся огромным влиянием средств массовой коммуникации, экономическим подходом, воспринимающим политику как разновидность торговли [3],